

РАЙНЕР МАРИЯ

РИЛЬКЕ

*ПИСЬМА
К МОЛОДОМУ ПОЭТУ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Райнер Мария Рильке
Письма к молодому поэту

«Издательство АСТ»

1903-1905

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Рильке Р.

Письма к молодому поэту / Р. Рильке — «Издательство АСТ»,
1903-1905 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119920-3

Творческое наследие Рильке уникально в своей многогранности, в своем противоречии эпохе: в непростые времена революций и Первой мировой войны он писал об эстетике и мечтах, обращаясь к «внутреннему миру человека, который полон сокровенных, одному ему понятных значений и смыслов». Хотя мировую славу Рильке принесли поэтические сборники, его проза по силе духа, мощи, звенящему ощущению реальности не уступает стихам. В настоящий сборник вошли знаменитые «Письма к молодому поэту» и «Письма о Сезанне» – тонкие заметки о поэзии и природе поэтического творчества, об искусстве и пути истинного художника, об одиночестве и любви. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-119920-3

© Рильке Р., 1903-1905

© Издательство АСТ, 1903-1905

Содержание

Письма к молодому поэту	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Райнер Мариям Рильке

Письма к молодому поэту

Сборник

Письма к молодому поэту

Париж, 17 февраля 1903

Милостивый государь,

Ваше письмо я получил лишь недавно. Я хочу поблагодарить Вас за Ваше большое и трогательное доверие. Вряд ли я могу сделать больше: я не могу говорить о том, что такое Ваши стихи; мне слишком чуждо всякое критическое намерение. Слова критики могут менее всего затронуть творение искусства: и критика всегда сводится к более или менее счастливым недоразумениям. Не все вещи так ясны и выразимы, как нам обычно стараются внушить; многие события невыразимы, они совершаются в той области, куда еще никогда не вступало ни одно слово, и всего невыразимее – творения искусства, загадочные существа, чья жизнь рядом с нашей, временной жизнью длится вечно.

Сделав это краткое замечание, я могу Вам сказать лишь одно: в Ваших стихах своеобразие нет, но в них сокровенно и тихо намечается что-то свое. Яснее всего я это чувствую в последнем стихотворении «Моя душа». Здесь что-то личное хочет выразиться вслух, хочет найти образ и слово. И в прекрасном стихотворении «Леопарди», может быть, возникает что-то вроде родства с этим Великим и одиноким духом. Все же эти стихи еще немного значат; в них нет самостоятельности, даже и в последнем стихотворении, и в стихах о Леопарди. Ваше чистосердечное письмо, которым Вы их сопроводили, не преминуло объяснить мне те недостатки, которые я чувствовал, читая Ваши стихи, но не мог еще назвать в точности.

Вы задаете вопрос, хороши ли Ваши стихи. Вопрос задан мне. Раньше Вы спрашивали других. Вы посылаете их в журналы. Вы сравниваете их с чужими стихами, и Вас тревожит, что иные редакции возвращают Вам Ваши опыты. Так вот (раз уж Вы разрешили мне дать Вам совет), я прошу Вас все это оставить. Вы ищете внешнего успеха, а именно этого Вы сейчас делать не должны. Никто Вам не может дать совета или помочь; никто. Есть только одно средство: углубитесь в себя. Исследуйте причину, которая Вас побуждает писать, узнайте, берет ли она начало в самом заветном тайнике Вашего сердца, признайтесь сами себе, умерли бы Вы, если бы Вам нельзя было писать. И прежде всего – спросите себя в самый тихий ночной час: должен ли я писать? Ищите в себе глубокого ответа. И если ответ будет утвердительным, если у Вас есть право ответить на этот важный вопрос просто и сильно: «Я должен», тогда всю Вашу жизнь Вы должны создать заново, по закону этой необходимости; Ваша жизнь – даже в самую малую и безразличную ее минуту – должна стать заветным свидетельством и знаком этой творческой воли. Тогда будьте ближе к природе. Тогда попробуйте, как первый человек на земле, сказать о том, что Вы видите и чувствуете, и любите, с чем прощаетесь навсегда. Не пишите стихов о любви, избегайте вначале тех форм, которые давно изведаны и знакомы; они – самые трудные: нужна большая зрелая сила, чтобы создать свое там, где во множестве есть хорошие, и нередко замечательные, образцы. Ищите спасения от общих тем в том, что Вам дает Ваша повседневная жизнь; пишите о Ваших печалях и желаниях, о мимолетных мыслях и о вере в какую-то красоту, – пишите об этом с проникновенной, тихой, смиренной искренностью и, чтобы выразить себя, обращайтесь к вещам, которые Вас окружают, к образам Ваших

снов и предметам воспоминаний. Если же Ваши будни кажутся Вам бедными, то не вините их; вините сами себя, скажите себе, что в Вас слишком мало от поэта, чтобы Вы могли вызвать все богатства этих буден: ведь для творческого духа не существует бедности и нет такого места, которое было бы безразличным и бедным. И если бы Вы даже были в тюрьме, чьи стены не доносили бы до Ваших чувств ни один из звуков мира, – разве и тогда Вы не владели бы Вашим детством, этим неоценимым, царственным богатством, этой сокровищницей воспоминаний? Мысленно обратитесь к нему. Попробуйте вызвать в памяти из этого большого времени все, что Вы забыли, и Ваша личность утвердит себя, Ваше одиночество будет шире и будет домом в сумерках, мимо которого будут катиться волны людского шума, не приближаясь к нему. И если из этого обращения к себе самому, из этого погружения в свой собственный мир родятся стихи, то Вам даже в голову не придет спрашивать кого-нибудь, хорошие ли это стихи. Вы больше не пожелаете заинтересовать Вашими работами журналы: Вы будете видеть в них Ваше кровное достояние, голос и грань Вашей жизни. Произведение искусства хорошо тогда, когда оно создано по внутренней необходимости. В этом особом происхождении заключен и весь приговор о нем; никакого другого не существует. Вот почему, уважаемый господин Каппус, я могу дать Вам только один совет: уйдите в себя, исследуйте те глубины, в которых Ваша жизнь берет свой исток, у этого истока Вы найдете ответ на вопрос, надо ли Вам творить. Быть может, окажется, что Вы призваны быть художником. Тогда примите на себя этот жребий, несите его груз и его величие, никогда не спрашивая о награде, которая может прийти извне. Творческий дух должен быть миром в себе и все находить в самом себе или в природе, с которой он заключил союз.

Но, быть может, Вам и после этого погружения в себя, в свою уединенность придется отказаться от мысли стать поэтом (достаточно, как я уже говорил, почувствовать, что можешь жить и не писать, и тогда уже вовсе нельзя стать поэтом). Но и тогда эта беседа наедине с собой, о которой я Вас прошу, не будет напрасной. С этого времени Ваша жизнь неизбежно пойдет своими особыми путями, и я Вам желаю, чтобы эти пути были добрыми, счастливыми и дальними, желаю больше, чем я могу сказать.

Что я еще могу сказать Вам? Мне кажется, все сказано так, как надо, и под конец я могу Вам только посоветовать тихо и серьезно пройти предназначенный Вам путь; Вы более всего этому помешаете, если Вы станете искать внешнего успеха, ожидать от внешнего мира ответа на вопросы, на которые, быть может, сможет дать ответ лишь Ваше внутреннее чувство в самый тихий Ваш час. Мне было приятно увидеть в Вашем письме фамилию господина профессора Горачека, к этому милому и ученому человеку я сохранил уважение и благодарность, которая не умерла во мне за все эти годы. Пожалуйста, передайте ему эти мои чувства; очень любезно, что он еще помнит меня, и я знаю цену его вниманию.

Стихи, которые Вы решились мне дружески доверить, я Вам возвращаю. И я еще раз Вас благодарю за Ваше большое и сердечное доверие. Отвечая Вам искренне и честно, как мог, я стремился стать хотя бы немного достойнее этого доверия, которого я, посторонний, быть может, и недостоин.

Со всей преданностью и участием

Райнер Мария Рильке.

Виареджо, окрестности Пизы (Италия), 5 апреля 1903

Простите меня, дорогой и уважаемый друг, что я только сегодня отвечаю с благодарностью на Ваше письмо от 24 февраля: я все это время был нездоров, – не то чтобы болен, но угнетен какой-то вялостью, какая бывает иногда при простуде, и она не давала мне заниматься ничем. Она все не проходила, и, наконец, я поехал к этому южному морю; его благое дей-

ствие мне однажды уже помогло. Но я все еще нездоров, пишу с трудом, и потому примите эти несколько строк взамен большего.

Конечно, Вам следует знать, что каждым Вашим письмом Вы всегда меня будете радовать, и следует быть снисходительнее к ответу, который, быть может, не раз оставит Вас ни с чем; в сущности, именно в самом важном и глубоком мы безмерно одиноки; и чтобы один из нас мог дать совет или тем более помочь другому, – необходимо многое; нужен успех и счастливое сочетание обстоятельств, чтобы это могло получиться.

Я хотел сегодня сказать Вам еще два слова:

Об иронии. Не давайте ей завладеть Вами, в особенности в нетворческие минуты. В творческие же стремитесь использовать ее как еще одно средство понимания жизни. В чистых руках и она чиста, и не надо ее стыдиться, а если она слишком близка Вам и Вы опасаетесь этой чрезмерной близости, тогда обратитесь к великому и серьезному, перед которым она становится мелочной и бессильной. Ищите глубину предметов: туда никогда не проникает ирония, – и если на этом пути вы придете к самому рубежу великого, узнайте тогда, рождается ли ирония из вашей глубокой внутренней потребности. Под влиянием серьезных предметов она или вовсе отпадет (если она случайна для Вас) или же (если это действительно врожденное Ваше свойство) она окрепнет и будет сильным инструментом и встанет рядом с иными средствами, которыми Вам надлежит создавать Ваше искусство.

И второе, что я хотел Вам сегодня сказать:

Из всех моих книг лишь немногие насущно необходимы для меня, а две всегда среди моих вещей, где бы я ни был. Они и здесь со мной: это Библия и книги великого датского писателя Иенса Петера Якобсена. Мне захотелось спросить, читали ли Вы их. Вы можете без труда их достать, так как многие из его сочинений изданы в очень хороших переводах «Универсальной библиотекой» Филиппа Реклама¹. Достаньте небольшой сборничек Якобсена «Шесть новелл» и его роман «Нильс Дюне» и начните читать первую же новеллу первого сборника под названием «Могенс». На Вас нахлынет целый мир: безбрежность, и счастье, и непонятное величие мира. Побудьте немного в этих книгах, поучитесь тому, что кажется Вам достойным изучения, но прежде всего – полюбите их. Эта любовь Вам вознаградится сторицей, и как бы ни сложилась Ваша жизнь – эта любовь пройдет, я уверен в этом, сквозь ткань Вашего бытия, станет, быть может, самой прочной нитью среди всех нитей Вашего опыта. Ваших разочарований и радостей.

Если мне придется сказать, от кого я много узнал о сути творчества, о его глубине и вечном значении, я смогу назвать лишь два имени: Якобсена, великого, подлинно великого писателя, и Огюста Родена, ваятеля, который не имеет себе равных среди всех ныне живущих художников. – Успеха Вам на всех Ваших путях!

Ваш Райнер Мария Рильке

Виареджо, окрестности Пизы (Италия), 23 апреля 1903

Вы мне доставили, дорогой и уважаемый г-н Каппус, много радости Вашим пасхальным письмом: оно говорит о Вас много хорошего, и слова, которые Вы нашли для большого и дорогого мне искусства Якобсена, подтвердили, что я не ошибся, обратив Вашу жизнь и все ее сомнения к большому миру его книг.

Сейчас Вам откроется «Нильс Лüne», книга глубин и великолепий; чем чаще ее читаете, тем больше кажется: в ней есть все – от еле слышного дуновения жизни до полного вкуса самых спелых ее плодов. Там нет ничего, что не было бы понято, запечатлено, познано и узнано

¹ Антон Филипп Реклам (1807–1895) – выдающийся немецкий издатель.

снова в дрожащем отзвуке воспоминаний; нет явлений, которые казались бы незначительными; и самое малое событие раскрывается до конца, как судьба; и сама судьба нам является изумительной, широкой тканью, в которой каждую нить ведет бесконечно нежная рука и вплетает ее рядом с другими, и каждая нить укреплена рядом с сотнями других. Вам предстоит великое счастье прочесть эту книгу в первый раз и, как в небывалом сне, пройти сквозь все ее бесчисленные неожиданности. Но я Вам скажу, что и позже снова и снова вступаешь в эти книги все с тем же удивлением и они не теряют ничуть своей чудесной силы. И не утрачивают той сказочности, которой они осыпают читателя с первого раза.

Ими наслаждаешься все полнее, все благодарнее, с какой-то все большей простотой и ясностью созерцания и все глубже веруешь в жизнь и в самой жизни ощущаешь себя еще счастливее и значительнее.

И потом Вам предстоит прочесть удивительную книгу о судьбе и страдании Марии Груббе, и письма Якобсена, и дневники, и фрагменты неоконченного, и, наконец, его стихи, которые – пусть они даже посредственно переведены – живы одной бесконечной музыкой. (При случае советую Вам купить замечательное полное издание Якобсена, где все это есть. Оно издано в хорошем переводе Евгением Дидерихсом² в Лейпциге в трех томах и стоит, как я припоминаю, всего 5 или 6 марок за каждый том.)

И в Вашем отзыве о романе «Здесь должны цвести розы» (ни с чем не сравнимом по своей форме и особой прелести), и в Вашем споре с автором предисловия к книге Вы, конечно, конечно же, правы. Но выскажу сразу одну просьбу: читайте как можно меньше эстетических и критических сочинений – все это или взгляды какой-нибудь одной литературной партии, давно окаменевшие и утратившие всякий смысл в своей безжизненной застенчивости, или это бойкая игра слов, в которой сегодня берет верх одна идея, а завтра – совсем иная. Творения искусства всегда безмерно одиноки, и меньше всего их способна постичь критика. Лишь одна любовь может их понять и сберечь, и соблюсти к ним справедливость. – Всегда прислушивайтесь только к себе самому и к Вашему чувству, что бы ни внушали Вам рецензии, предисловия и литературные споры; а если Вы все же не правы, то естественное движение Вашей духовной жизни Вас приведет неспешно и со временем к иным воззрениям. Пусть развитие Ваших взглядов движется своим собственным, тихим, нестесненным чередом; оно, как и всякое подлинное развитие, повинуетя только своим законам, его ничем нельзя задержать, как нельзя и ускорить. Родиться может лишь то, что выношено; таков закон. Каждое впечатление, каждый зародыш чувства должен созреть до конца в себе самом, во тьме, в невысказанности, в подсознании, в той области, которая для нашего разума непостижима, и нужно смиренно и терпеливо дожидаться часа, когда тебя осенит новая ясность: только это и значит – жить, как должен художник: все равно в творчестве или в понимании.

Здесь временем ничего не измеришь, здесь год – ничто и десять лет – ничто. Быть художником – это значит: отказаться от расчета и счета, расти, как дерево, которое не торопит своих соков и встречает вешние бури без волнений, без страха, что за ними вслед не наступит лето. Оно придет. Но придет лишь для терпеливых, которые живут так, словно впереди у них вечность, так беззаботно-тихо и широко. Я учусь этому ежедневно, учусь в страданиях, которым я благодарен: терпение – это все!

РИХАРД ДЕМЕЛЬ³. На меня его книги (и кстати сказать, и он сам при беглых наших встречах) всегда действуют так, что, читая хорошую его страницу, я уже опасаясь следующей, которая может все разрушить, и то, что было достойно восхищения, как по волшебству, окажется дурным и недостойным. Вы вполне точно определили его словами: «жить и писать чув-

² Евгений Дидерихс – немецкий издатель.

³ Рихард Демель (1863–1920) – немецкий поэт.

ственно». И в самом деле, творческое переживание так немыслимо близко к переживанию пола, к его горю и радости, что оба эти явления есть, собственно говоря, лишь разные формы единой страсти и единого блаженства. И если вместо слова «чувственность» можно было бы сказать «пол» в великом, обширном и чистом значении этого слова, свободном от всяких церковных осуждений, то искусство Демеля было бы очень большим и безмерно важным. Его поэтическая сила велика, она неудержима, как влечение инстинкта, в ней кроются особые, беспощадные ритмы, и она рвется из него на волю, как из гранита.

Но кажется, что эта сила не всегда вполне искренна и свободна от позы. (Но это одно из самых трудных испытаний творческого духа: он всегда должен творить бессознательно, не подозревая о самых серьезных своих достоинствах, — если он не хочет отнять у этих достоинств их нетронутую свежесть!) И когда эта сила, шумя в его крови, пробуждает ощущение пола, она уже не находит той человеческой чистоты, которая ей необходима. Мир чистых и зрелых переживаний пола ему незнаком; в его страсти — слишком мало человеческого и слишком много мужского; вечная чувственность, хмель и тревога; и к тому же его тяготят все старые предрассудки и та надменность, которой мужчина сумел поработить и унижить любовь. Именно потому, что его любовь — только мужская, а не человеческая любовь, в его ощущении пола есть что-то ограниченное и как бы дикое, ненавистное, непрочное и невечное, и это умаляет его искусство, делает его двойственным и двусмысленным. Оно не без изъяна, на нем печать времени и страсти, и лишь немного из его искусства останется жить. (Но так в искусстве бывает чаще всего!) И все-таки можно всем сердцем радоваться тому великому, что есть в его искусстве, но нельзя им увлекаться чрезмерно. Нельзя покориться миру Рихарда Демеля: его мир исполнен безмерной робости, вероломства в любви и смятений и далек от настоящих судеб, которые несут с собой больше страданий, чем все эти временные невзгоды, но дают и больше поводов к величию духа, больше мужества в стремлении к вечному.

Что касается моих книг, то я с удовольствием прислал бы Вам все книги, которые хоть немного смогут Вас порадовать. Но я очень беден, и мои книги с той минуты, когда они изданы, уже мне не принадлежат. Сам я не могу их купить и дарить их, как мне нередко хочется, тем, кто их любит.

Поэтому я в особой записке выписываю для Вас названия моих последних книг и названия издательств (но только книги последних лет, всего у меня их вышло, кажется, двенадцать или тринадцать) — и должен предоставить Вам самим, дорогой г-н Каппус, при случае заказать какие-либо из них.

Мне будет приятно, что мои книги у Вас.

Будьте счастливы!

Ваш Райнер Мария Рильке

Ворпсведе (близ Бремена), 16 июля 1903

Примерно десять дней тому назад я уехал из Парижа, чувствуя себя немного больным и усталым, уехал сюда, к великой северной равнине, чья ширь, и тишина, и небо должны были меня снова исцелить. Но я въехал в долгий дождь, и лишь сегодня слегка прояснилось небо над беспокойно волнующейся землей, и я пользуюсь этим первым мигом прояснения, чтобы передать Вам приветы, дорогой г-н Каппус.

Милый господин Каппус, одно из ваших писем долго оставалось без ответа: не то чтобы я его забыл, — нет, это было такое письмо, которое перечитываешь снова, когда находишь его в своих бумагах, и я узнал в нем Вас как бы совсем вблизи. Это было письмо от второго мая, и Вы, конечно, его помните. Когда я читаю его сейчас, в большой тишине этих равнин, меня еще больше трогает Ваша удивительная тревога о жизни, еще больше, чем я это чувствовал

в Париже, где все звучит иначе и утихает так скоро из-за необыкновенно сильного шума, от которого все предметы вздрагивают. Здесь, на могучей равнине, над которой ходит налетающий с моря ветер, здесь я догадываюсь, что на те вопросы и чувства, которые живут своей особой жизнью в глубине Вашего сознания, ни один человек не может Вам дать ответа: ведь даже лучшие из людей неуверенно блуждают в словах, когда они хотят сказать о Самом Тихом и почти несказанном. Но я все-таки верю, что Вы не останетесь без ответа, если обратитесь к таким предметам, как эти, на которых сейчас отдыхают мои глаза. Вам стоит лишь обратиться к природе, к простому и малому в ней, которого не замечает почти никто и которое может так непредвиденно стать большим и безмерным, стоит лишь Вам полюбить неприметное и со всей скромностью человека, который служит, попробовать завоевать доверие того, что кажется бедным, – тогда все для Вас будет легче, осмысленнее и как-то утешительнее: быть может, не для Вашего рассудка, который будет удивленно медлить, но для Вашего самого глубокого понимания, зрения и знания. Вы так молоды, Ваша жизнь еще в самом начале, и я Вас очень прошу: имейте терпение, памятуя о том, что в Вашем сердце еще не все решено, и полюбите даже Ваши сомнения. Ваши вопросы, как комнаты, запертые на ключ, или книги, написанные на совсем чужом языке. Не отыскивайте сейчас ответов, которые Вам не могут быть даны, потому что эти ответы не могут стать Вашей жизнью. Живите сейчас вопросами. Быть может, Вы тогда понемногу, сами того не замечая, в какой-нибудь очень дальний день доживете до ответа. Быть может, в Вас заключена возможность творить и чеканить образы, которую я считаю особенно счастливым и чистым проявлением жизни; тогда готовя себя к этому, – но примите все, что ни случится, с большим доверием; если только это рождено Вашей волей или потребностью Вашего духа, примите эту тяжесть и не учитесь ненавидеть ничего.

Обязанности пола трудны: да. Но это трудный долг, который нам надлежит исполнить. Серьезное почти всегда трудно, а ничего несерьезного я не знаю. Если Вы это поймете, если Вы, Ваша натура, Ваш опыт и память Вашего детства, Ваша сила окажутся способны создать совсем особое, свое (свободное от условностей и предрассудков) понимание пола, тогда Вам нечего бояться, что Вы уроните себя и будете недостойны лучшего Вашего достоинства.

Физическая радость в любви – чувственна, как чувственно и чистое созерцание и чистая радость, которую дарит нам, например, прекрасный плод; она, эта радость, есть великий, безграничный опыт, который дан людям; это и есть знание о мире, вся полнота и весь блеск знания. Плохо не то, что нам эта радость достается; плохо, что почти все не уважают ее и тратят зря, и видят в ней возбуждение, которое берегут для усталых часов своей жизни, или развлечение, но не собирание сил для высших минут жизни. Даже еда стала у людей не тем, чем она должна быть: нужда одних и избыток других как бы затуманили эту ясную потребность; и такими же безрадостными стали все глубокие, простые потребности, в которых жизнь обновляет сама себя. Но кто-то один может все же прояснить для себя эти законы и жить ясно (и если не всякий «один», который слишком зависим от других, то хотя бы одинокий). И он вспомнит, что вся красота растений и зверей есть проявление постоянной и тихой любви и страсти, и он увидит цветок, увидит зверя, который терпеливо и радостно сочетается с другим зверем, и размножается, и растет – не ради физической радости или боли, но подчиняясь законам, которые выше боли или радости и сильнее воли и неволи. И да примет человек всего смиреннее эту тайну, которой полнится вся земля, до самых малых ее тварей, и да примет ее сурово, да исполнит неуклонно, чувствуя, как страшно она тяжела, и не пытаясь ни в чем ее облегчить. Да исполнится он благоговения к тайне зачатия, которая всегда одна, и в физической жизни и в духовной; ибо творчество духа берет начало в творчестве природы, по сути едино с ним, и оно есть лишь более тихое, восторженное и вечное повторение плотской радости. «Высокая мысль: быть Творцом, создавать, начинать новую жизнь» – ничто без непрестанного и великого подтверждения и осуществления этой мысли на земле, без тысячекратного «да», которое слышится от всех зверей и всей твари; и наше наслаждение лишь потому так невыразимо хорошо,

так безгранично, что в нем оживают унаследованные нами воспоминания о зачатиях и рождениях миллионов. В одной лишь творческой мысли оживают тысячи забытых ночей любви и делают эту мысль возвышенной и величавой. И влюбленные, которые неизменно встречаются каждую ночь и качаются на волне наслаждения, – они творят свое важное дело, копят сладость, силу и глубину для песен какого-то будущего поэта, который придет, чтобы сказать о самом большом блаженстве. Они приближают будущее, и если даже они заблуждаются и обнимают друг друга, сами не зная зачем, то будущее придет все равно, явится новый человек, и случай, который, казалось бы, здесь совершился, разбудит закон, по которому сильное, стойкое мужское семя проложит путь к яйцеклетке, движущейся навстречу ему. Не позволяйте сбить себя с пути неглубокими суждениями: в глубине вещей уже нет случая, а есть только закон... А те, кто плохо и дурно хранит эту тайну (а таких много), теряют ее лишь для самих себя и все равно передают ее дальше, сами того не зная, как запечатанное письмо. И пусть не смущает Вас ни бесчисленность имен, ни сложность человеческих судеб. Быть может, над всем этим высится одна, для всех общая страсть материнства. И красота девушки, ее молодость, которая (как Вы чудесно сказали) «еще ничего не успела», есть материнство, которое догадывается, предчувствует себя, робеет и хочет стать собою. И красота матери есть служение материнству, и в старой женщине не умирает великое воспоминание. Я думаю, что и мужчине знакомо материнство, духовное и физическое: его зачатие есть тоже в известном смысле роды, как и творчество, которому он отдает все силы своего духа. Быть может, оба пола ближе друг к другу, чем думают, и большое обновление мира, возможно, и будет заключаться в том, что мужчина и девушка, свободные от ложного стыда и равнодушия, будут стремиться друг к другу не как противоположности, а как братья и сестры, как соседи, и будут сочетаться любовью по-человечески, чтобы просто, терпеливо и строго нести совместно возложенное на них тяжелое бремя пола. Но все, что, быть может, станет уделом многих, одинокий уже сегодня может готовить и строить своими руками, которые ошибаются реже. Поэтому любите одиночество и встречайте боль, которую оно причиняет Вам, звучной и красивой жалобой. Все ближнее удалилось от Вас, говорите Вы, и это знак, что Ваш мир уже становится шире. И если ближнее вдали от Вас – значит, Ваша даль уже под самыми звездами и очень обширна; радуйтесь росту Ваших владений, куда Вы никого не возьмете, и будьте добрыми к тем, кто отстал от Вас, и будьте уверенны и спокойны в общении с ними, и не мучайте их Вашими сомнениями, и не пугайте их Вашей верой или радостью, понять которую они не могут. Ищите какого-нибудь простого и верного союза с ними, который не обязательно должен быть отменен, если Вы сами станете иным, совсем иным; любите в них жизнь в чужом для Вас проявлении, имейте снисхождение к старым людям, которые боятся того одиночества, к которому Вы возымели доверие. Избегайте давать лишний повод к той драме, которая всегда разворачивается между детьми и родителями; она отнимает напрасно много сил у детей и может подточить родительскую любовь, которая способна дарить свет и силу даже тем, кого она не понимает. Не требуйте от них совета и не надейтесь на их понимание; но верьте в ту любовь, которая хранится для Вас, как наследство, и знайте всегда, что в этой любви Ваша сила и Ваше благословение, которого Вы не должны терять, если Вам суждена дальняя, очень дальняя дорога.

Хорошо, что Вы приобретете профессию, которая сделает Вас самостоятельным и оставит Вас целиком и полностью на Ваше собственное усмотрение. Подождите терпеливо, чтобы стало ясно, будет ли Ваша внутренняя жизнь стеснена выбором этой профессии. Я считаю ее очень трудной и забирающей очень много сил: она отягощена большими условностями и почти не оставляет места личному отношению к своим обязанностям. Но Ваше одиночество и в этой, совсем чуждой, жизни будет для Вас судьбой и родиной, и Вы благодаря ему выйдете на свою дорогу. Все мои желанья готовы сопровождать Вас на этом пути, и мое доверие с Вами.

Ваш Райнер Мария Рильке

Рим, 29 октября 1903

Милый и уважаемый господин Каппус, Ваше письмо от 29 августа я получил во Флоренции, и лишь теперь – два месяца спустя – я на него отвечаю. Простите мне эту медлительность, но в дороге я не люблю писать писем, потому что для письма мне нужно больше, чем только перо и бумага: немного тишины и одиночества и не совсем чужой мне час.

Мы прибыли в Рим примерно шесть недель тому назад, когда Рим был еще пустынным, жарким городом, в котором, по слухам, еще не кончилась эпидемия; и это, вместе с другими практическими трудностями устройства, как-то способствовало тому, что наша беспокойная жизнь не могла окончиться и чужбина давила на нас всей тяжестью нашего бездомного существования. К этому надо добавить, что Рим (если сюда приезжаешь впервые) в первые дни производит самое гнетущее и печальное впечатление: и своим безжизненно-грустным музейным видом, и обилием своих древностей, вырытых из-под земли и с трудом приводимых в порядок (древностей, которыми кормится жалкая современность), и немислимым, созданным не без участия ученых и филологов, которым с усердием подражают и здешние путешественники, – завышением ценности всех этих разбитых и поврежденных предметов, которые в конце концов не что иное, как случайные следы другого времени и другой жизни, совсем не нашей, которая нашей и быть не должна. Наконец, после целых недель ежедневного недовольства, понемногу, еще не совсем опомнившись, ты собираешься с духом и говоришь себе: нет, здесь несколько не лучше, чем в любом другом городе, и все эти памятники, которыми привычно восхищалось поколение за поколением, обновленные и поправленные руками ремесленников, не значат ничего и ничего в них нет: ни ценности, ни живой души. И все же здесь есть красота, потому что красота есть везде. Необыкновенно живая вода входит по старым акведукам в великий город и пляшет над белыми каменными чашами на многих его площадях, и заполняет обширные и большие бассейны, и шумит целый день, и шумит, не смолкая, всю ночь, а ночи здесь большие, звездные и мягкие от ветра. И есть здесь сады, и ни с чем не сравнимые аллеи и лестницы, лестницы, словно из снов Микеланджело, как бы подобие спадающих по склону вод, – в падении рожающие ступень за ступенью, словно волну за волной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.